

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева в редакцию передали его родные. Мы считаем, что это будет интересно нашим читателям. Начинаем их публикацию.

Вместо предисловия

В передаче по радио я услышал удивительные слова: культура человека проявляется и в том, как он знает свою родословную и жизнь своих предков. Может, мне удастся в своих записках восстановить прошлое моих родственников вплоть до пятого поколения. Мои записи, может быть, заинтересуют моих внуков и заставят их задуматься над своим прошлым и настоящим.

Я не претендую на абсолютную точность в хронологии событий, но пишу только о том, что хорошо знаю по рассказам родителей и по своим воспоминаниям. События буду излагать через призму собственного взгляда на жизнь и на примерах родной маленькой деревни Маткалахта, расположенной на южном берегу Водлозера.

Немного истории

В Пудожском районе Водлозеро уникально в своем развитии уже тем, что там сохранились деревни с финскими названиями, хотя в течение нескольких поколений в Водлозере не было ни одного финна или карела. Немногочисленные скудные исторические сведения указывают на приток поселенцев в Водлозеро как с запада, так и с востока - от Урала и Западной Сибири. Разорительные шведские войны 16-го века заставили часть финнов и карел покинуть родные места и перебраться в глухую местность восточной Карелии. От Урала поток переселенцев был более мощным, так как вместе с ними перебирались россияне, спасаясь от власти царя Петра Первого. Немногочисленные первые поселенцы финны и карелы растворились в общих поселениях, а финские названия деревень прижились, частично видоизменяясь по законам русской фонетики.

В маленькую деревню Маткалахта, расположенную на южной части Шошалахты, с потоком восточных переселенцев прибыл могучий человек с интересным именем Сысой. В ту пору престолуодим имел только одно имя. О том, что Сысой был сильным и могучим, я заключил по такому признаку. В Пермской губернии был отлит очень большой колокол для церкви с могучим басистым звучанием. Его называли "Сысой". Очевидно, прибывший в Маткалахту могучий Сысой дал начало нашего рода Сысоевых. Об этом мне рассказывал мой дедушка Николай Харламович.

У дедушки был сын Осип Николаевич и две дочери - Наталья и Евдокия. У моего отца Осипа было пятеро сыновей: Василий, Григорий, Михаил, Николай и Иван. Шестой сын Дмитрий умер в раннем возрасте. У четверых сыновей были свои семьи и дети. Учитывая, что мой дедушка Николай Харламович был примерно 1868 года рождения, то нетрудно узнать годы жизни других прадедов. В деревне у нас была кличка "Харламовичи", а фамилию Сысоев дали во время проведения первой переписи населения России в 1898 году. А в деревне все равно нас звали Харламовичи. Свою фамилию Сысоев я узнал тогда, когда пошел в первый класс школы в 1928 году.

В Маткалахте на полуострове Шошалахта было всего три дома, если небольшие бревенчатые сооружения можно назвать домами. Эти три семьи составили фамилии жителей уже другой Маткалахты: Сысоевы, Епишины и Мачехины. На северной части Шошалахты было кладбище. Признаки могильных холмиков можно было видеть вплоть до 1930 года. Когда создавался колхоз, то вся площадь полуострова Шошалахта была распахана. Основания бывших домов тоже из земли были вывернуты и выброшены в болотистую равнину недалеко

от бывшей деревни. Новая деревня Маткалахта была построена на большом полуострове у открытого озера в одной версте от Шошалахты. Такой перенос деревни был осуществлен примерно во второй половине XIX века. Выбор нового места для деревни был обусловлен тем, что потребовалась большая площадь для деревни, а расположение домов на берегу большого водоема способствовало уменьшению количества комаров и мошек во время северного ветра.

Сначала в деревне было построено семь более вместительных домов, которые топились печью по-черному, а сами дома назывались курной избой. В годы НЭПа было уже восемь новых домов, в которых печи сложены из кирпича, и дымоход тоже был кирпичный. Такие дома стали называть чистыми или светлыми. В шестидесятые годы XX столетия все дома из Маткалахты перевезли в Бостилово, Реболахту и Куганаволок. Маткалахта перестала существовать как деревня.

Финские названия деревень в Водлозере (Канзанаволок, Коскосалма, Варишпелда, Кевасалма), чередующиеся с названиями по русскому обычаю (Кузьмостров, Великоостров, Колгостров и т.п.) позволяют говорить о взаимодействии и хорошем соседстве различных народов в этом крае. Еще существуют сотни мелких местных объектов (болот, горушек, ручьев и т.д.), которые имеют названия, известные лишь местным жителям. Названия эти чередуются как по языковому признаку, так и по характерным особенностям данного места (Кодапелда, Сакитарь, Мочелище, Шея и т.д.).

Каждый народ приносил с собой свои обычаи, культуру и религию. В Водлозере в основу религиозных обрядов было взято православное христианство. В каждой волости была своя церковь и приход. В южной части Водлозера на высоком холме между деревней Пога и деревней Выгостров была построена Пречистинская церковь, а окружающая местность называлась погостом. Недалеко от этой церкви теперь хоронили умерших всех деревень волости. На погосте кроме церкви было три дома священников: дом пола, дом дьякона и небольшой дом для сторожа церкви. Его называли сторожка. Пахотная земля и сенокосные угодья на всей территории погоста принадлежали служителям церкви. В начале XX века была построена новая церковь, золотистые купола которой были видны по всей округе, а звон колоколов доносился до всех деревень. Последним попом в Пречистинской церкви был Воскресенский Иван, а звонарем - житель деревни Кевасалма Евстигней Сафронов. Из ближних к церкви деревень поп подбирал подрастающих и молодых мужчин для участия в церковном хоре. По выходным дням они в церкви

учились грамоте и хорошему пению. Также они помогали попу в церковные праздники вести службу, а в пасхальные дни ходили вместе с попом по всем деревням прихода для свершения пасхального обряда с иконами и песнопениями.

Этот пасхальный обряд начинался сначала в деревенской часовне, а потом служба проходила в каждом доме деревни. Хозяин дома, в зависимости от своего достатка, ставил на стол маленку зерна (маленка - это мера объема, вмещающая обычно пуд ржи или ячменя), еще три или более круглых испеченных караваев хлеба (мякушка называлась), калитки с разнообразной начинкой, а также до двух десятков крашенных вареных яиц. Церковная хоругвь своим основанием ставилась в зерно маленки и начиналась пасхальная служба. Сразу после службы всё это добро складывалось в принесенные мешки участниками хора. Завершалось тем, что хозяин наливал стопку водки попу, а другим только по рюмке. Так повторялось в каждом доме. Сложенные в мешки зерно, хлеб и другие съедобные товары погружались на подводу и отправлялись на погост домой. Сами участники церковного хора и поплы в другую деревню для проведения там пасхальной службы. Обычно за день успевали обслужить две деревни, так как домов в деревнях насчитывалось не более десятка. За пасхальную неделю такие церковные службы проходили во всех селах прихода данной церкви. Если при рождении ребенка надо было его крестить, то приходил один поп.

К сожалению, судьба Пречистинской церкви оказалась незавидной. Весной 1941 года ее разобрали и перевезли в Куганаволок, чтобы построить клуб. Начавшаяся Отечественная война не позволила заняться строительством клуба, а была построена школьная баня. Остатки церковных бревен были распилены на дрова. Значительная часть церковных книг из библиотеки была перевезена в Ильинскую церковь, а потом похищена туристами. Церковная библиотека имела много книг, привезенных из Муромского монастыря во время его закрытия.

В северной части Водлозера была построена Ильинская церковь на высоком берегу Колгострова почти в центре озера. Эта церковь строилась с таким расчетом, чтобы она могла быть крепостью при военных действиях со шведами. Территория вокруг церкви была огорожена бревенчатой стеной высотой до двух метров. У входных ворот были пристроены два помещения для торговли мелкими товарами во время праздников при большом стечении населения. Постепенно к церкви делались пристройки, которые соединили церковь с колокольней. Стоит эта церковь и в наши дни.

М.СЫСОЕВ

РЕКА ВРЕМЕНИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева в редакцию передали его родные. Мы продолжаем их публикацию (начало в №43 от 29 октября).

Существует такая легенда о строительстве Ильинской церкви. "Большинство населения потребовало построить церковь на высоком холме Итагора в многолюдной Коскосалме. По озеру туда доставили для строительства лес в плотах. Но ночью была сильная буря, и плот с лесом отнесло на остров Колгостров. Тогда там и построили Ильинскую церковь". Легенда маловероятна, так как расстояние от Коскосалмы до Колгострова велико, и потребовались бы минимум сутки для переправы леса в плотах по воде.

Я уже упоминал, что в каждой деревне была часовня. Одни часовни строились рядом с деревней в густом мрачном еловом лесу, который назывался рощей. Другие часовни располагались в центре деревни. В Маткалакте часовня была в двухстах метрах от деревни в роще, где высокие стройные ели создавали ощущение страха перед угрюмой природой. Часовня в нашей деревне была построена в честь покровительницы Маткалахты святой великомученицы Варвары. Поэтому основной религиозный праздник в Маткалакте был 17 декабря, когда отмечается день Варвары великомученицы.

На иконе Варвара изображена молодой женщиной с короной на голове. Варвара действительно была женой князя где-то в княжестве около теперешнего города Рязани. Во времена татаро-монгольского нашествия ее муж - князь вместе с дружиной погиб в неравном бою с татарами. Княгиню Варвару вместе с ее двумя детьми татары захватили в плен и потребовали от нее, чтобы она письменно отреклась от православной христианской веры в пользу мусульман и приняла бы к этому своих поданных. Мужественная княгиня Варвара отказалась это сделать, хотя к ней применяли насилие. Потом на глазах у нее убили ее детей. Наконец, отрубили ей левую руку, чтобы правой она подписала призыв отказать от православного христианства. Умерла Варвара в свои 23 года мученической смертью, не предав христианскую веру. По церковным канонам Варвара была провозглашена святой великомученицей, а ее лицо стали изображать на иконах. Стоит часовня в честь святой великомученицы Варвары в роще у несуществующей уже деревни Маткалахта. Многие люди окрестных деревень несут сюда пелены в виде головных платков, полотенец и небольших лоскутов ситца с тем, чтобы получить от Варвары великомученицы заступничество в этой непростой жизни. Иконы из часовни туристы увезли, а осталась только одна большая икона на стене.

В XIX веке были в Водлозере старцы-отшельники. Так, два таких старца Лазарь и Фома жили на острове Белом, что в двух километрах от Маткалахты. Там у них была построена часовня, состоящая из двух сомкнутых помещений. В первом была часовня, со всеми иконами, а в прорубленном в стене отверстии можно было заглянуть во второе помещение. Там были толстые стены и крыша, а в центре помещения в земле было небольшое углубление, где постоянно стояла вода. В часовне было единственное не-

большое окно. Оно было сделано из пластинок слюды и тонкой жести. Окно было точно такое, как на рисунках теремов бояр в России. Высокие темные ели острова вызвали в душе оттенки страха. Лазарь и Фома не общались с населением, а жили замкнуто. Никто не знал, чем питаются эти старцы-отшельники, но существует легенда, что они по воде ходили на лыжах и плавали по воде на камнях. Похоронили Лазаря и Фому у стен часовни по разные стороны, а над могилами были сделаны надгробья из досок. Эти надгробья представляли форму прямоугольника высотой 80 см, а сверху него доски сделаны в форме двукатной крыши. В 1932 году иконы из этой церкви были вывезены в Пречистинскую церковь. Сейчас многие ели на острове Белом от ветра упали на землю. Основание часовни сохранилось, а доски от надгробий в послевоенное время сожгли рыбаки, разводя костер.

Был такой же церковный скит на Нигозере, где можно было любому гражданину приходить и молиться. Нигозеро находилось в глухой тайге за Маткалахтой по направлению к поселку Кубово. Молодые мужчины перед армейской службой также ходили зимой на молебен в Соловки. Дорога проходила по замерзшей реке Илекса. Мой отец, Осип Николаевич, ходил в Соловки перед тем, как отправиться в армию на фронт первой мировой войны. Дедушка полностью обновил надгробья на острове Белом на могилах Лазаря и Фомы, чтобы его сын Осип пришел с войны живым.

Жители деревень Водлозера вели в основном натуральное хозяйство. Товарообмен был незначительным. Основным занятием населения было земледелие, скотоводство, рыболовство и охотничий промысел. Орудиями труда для обработки земли были соха, косуля и деревянная борона. В нашем хозяйстве вплоть до образования колхоза были эти орудия труда. Косуля отличалась от сохи тем, что имела не два железных рога, а пять таких рогов, установленных на деревянной основе уступом так, что напоминало отвал у плуга. Косуля была очень тяжелая и ею подзывались редко. Из скота держали рабочих лошадей, а также были коровы и овцы. Основным продуктом питания в нашей Маткалакте была рыба. Заготавливали ее в межсезонье в свободное от полевых работ время - ранней весной и осенью. Крупную рыбу солили в деревянных бочках. Сущик из ерша и снетка готовили осенью. Летом в сушке появлялись черви и приводили его негодным к употреблению. Осенний сущик из снетка был более вкусен в ухе. Налим ловили в мережи, установленные подо льдом в период нереста - в феврале. По первому санному пути сушки и соленую рыбу возили в Каргопольский район и обменивали на зерно. Сети для ловли рыбы готовили сами вручную. Обычно вязали сети зимой, когда других работ было мало. Сетевязанием занималась вся семья, включая детей. Нитки для изготовления сетей тоже делали сами, для чего на небольших участках выращивали лен и коноплю. После их обработки женщины пряли из кудели об-

работанного льна нитки. Если лен вырастал хороший, то из нитей на деревянном ткацком станке получали льняное полотно для одежды. Этот материал из тонкого льняного полотна называли точиво, которое шло только на пошив одежды.

Большой невод для ловли рыбы состоял из следующих частей: кнея с очень мелкой ячеей, потом по обеим сторонам шли частики тоже с малой ячеей, дальше за частиками шли чуланицы со средней ячеей, а заканчивался невод клевицей с крупной ячеей. Дальше были веревки для вытягивания невода. Их длина была произвольной. Для ловли ерша на большой глубине использовали цап или чап, а также его называли мутник. Цап имел кнею и частики, а дальше шли канаты и веревки. Канаты изготавливались из старых изношенных сетей, которые на выюке свисали в толстую веревку - канат. Летом и осенью ловили окуней и крупную плотву с помощью сети, называемой одноушкой. Летом и осенью свежая рыба была всегда в достаточном количестве. Удили рыбу в основном подростки, так как этим делом взрослым заниматься было некогда.

Охотничий промысел занимались только единицы жителей Водлозера, между которыми делились охотничьи участки. Это был промысел мелкого пушного зверя. Медведей убивали редко и, только тогда, когда он задира домашний скот или портил посевы овса. Волки и лоси плохо приживались в нашей местности, и о них сохранились скудные сведения. Боровую дичь ловили с помощью силков и пастей, устанавливаемых в тех местах, где были пурхальца. На водоплавающую дичь охоты не было, а поэтому в зарослях травы по берегам лахты были сотни утиных гнезд. В лахте было удобное место для выводков: хватало разнообразной пищи, тепла, и можно было где укрыться в случае опасности. В заливе встречались выводки лебедей. Их особо охраняли местные жители.

С начала XX века в зимнее время стали набирать рабочих на заготовку и вывозку к берегам рек строевой древесины. Весной заготовленный лес по рекам Ильвама, Вама и Водла сплавляли в поселок Шала, где был лесопильный завод промышленника Беляева. Условия рубки леса были жестокие. Летом и ранней осенью лесничий отводил участок леса для рубки. Мастер с помощниками выбирали спелый строевой лес и производили клеймение каждого дерева на корню. У дерева делались две затески - одна выше другой. Потом раскаленной железной печатью ставилось клеймо на каждой затеске. Зимой лесорубы обязаны были спилить только это дерево. При этом рез пилы должен пройти между поставленными клеймами. Мастеру леса легко было контролировать выборочную рубку леса. Спеленное дерево разделяли на пятиметровые бревна и обязательно снимали кору. Неокоренные бревна в сплав по реке не допускались. Во время Отечественной войны и после нее стали рубки сплошные, и на экологию при сплаве не обращали внимания.

М. СЫСОЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева (18.01.1921 - 27.03.2018) в редакцию передали его родные. Мы продолжаем их публикацию (начало в №43, 48).

До 1930 года сплавы проводились бригадным методом при аккордной оплате труда. При наличии излишней рабочей силы отбор в сплавную бригаду проводился с учетом строгой дисциплины, крепкого здоровья и сноровки при плавающих бревнах. Надо было, стоя на одном бревне с багром в руке, проплыть по реке 500 метров и уверенно держаться при переходе по плавающим бревнам. При слаженной работе бригады заработок был хороший и распределялся согласно заранее оговоренного коэффициента для каждого сплавщика. Хорошая слава ходила о храбрости и отваге бригадира Павлова Михаила из деревни Кузюстров. Однажды во время сплава по реке Вама лодка с запасами еды и сплавным оборудованием в речном пороге перевернулась. Коряга на дне реки зацепила Павлова за рубашку, а сильное течение не позволило ему отцепиться от коряги.

Хорошие заработки на лесосеке и на сплавных работах позволили жителям Маткалахты накопить деньги для перестройки старых домов в добротные избы.

Замкнутый круг натурального хозяйства сопровождался плохой дорогой в летнее время до Пуджа. Мой дедушка Николай Харламович говорил о том, что приходилось ему в молодости ездить в Пудож на волокушах по извилистой лесной дороге. Волокуши представляли из себя две изогнутые еловые жерди, на концах которых была устроена небольшая площадка для груза. Так как концы волокуши скользили по земле, то груз на волокуше был малым. За один рейс до Пуджа и обратно концы волокуши стирались полностью. Зимой дорога прокладывалась по озеру через Маткалахту по ровной болотистой местности в лесном массиве. До Сердечкиной Избы дорога на Пудож становилась на 8 километров короче. Отсюда и название: маткасса - путь, лахта - залив озера. Выходит, финское название Маткалахта в переводе на русский язык означает «путь по заливу озера».

Есть удивительная публикация о путешествии по этой дороге из Пуджа до Водлозера великого князя Константина Александровича - родственника царя Николая II. Он пишет, что из Пуджа его повезли на двух жердях с площадкой на концах жердей. Это сооружение называли волокушей, которую тащили одна лошадь. Ехали медленно, а мошара тучами нападала на лошадь и на вздоков. После двух дней по лесной дороге его повезли по озеру на весельной лодке. Пишет, что на веслах сидели три женщины и гребли так, что голова тряслась после каждого гребка.

В годы советской власти был такой налог по отработке на строительстве дороги по 5 дней для каждого трудоспособного гражданина. В 1934 году по этой дороге даже проходил грузовой автомобиль рыбопункта, а зимой приходили трактора с грузом в несколько мешков муки, расположенных на санях за трактором. Мощность первых тракторов была от 15 до 25 лошадиных сил, а поэтому перевозимый груз был малым. Однажды приходил необычный

трактор, который называли ситарным. У него вместо колес или гусениц был бесконечный винт на заостренных пустотелых цилиндрах. Ввинчиваясь в снег, он передвигался по снежному бездорожью со скоростью 3 километра в час. Он дошел до Водлозера, а потом был использован в мотоботе с водяными колесами по бокам. Этот мотобот транспортировал заготовленный лес в кошелях по озеру от деревни Пога до истока реки Вама. Позже в журнале "Техника - молодежи" я прочитал, что Кировский завод в Ленинграде выпустил три таких пятнадцатисильных трактора для освоения районов Крайнего Севера.

В царское время волости управлялись волостным старшиной, который избирался выборщиками от деревень. Бесменным волостным старостой был Иона Каламаев, который имел 4 класса образования и очень красиво писал.

При советской власти в Водлозере было сначала 3 сельсовета, а потом выделился еще Чуяльский сельсовет. В каждой деревне был свой сельский исполнитель, у которого имелся особый медный знак от сельсовета. Если в деревне проводилось собрание, то оно проходило в доме сельского исполнителя, который оповещал жителей деревни о собрании и отвечал за сбор на собрание. Эмблема сельского исполнителя переходила от одной семьи к другой по кругу и выполняла обязанность исполнителя один месяц.

Самые массовые народные гулянья были в период престольных религиозных праздников. На Пречистинский погост съезжались в день Троицы, а на Ильинском погосте основной праздник был 2 августа в Ильин день. В Маткалахте 17 декабря в день Варвары великомученицы принимали гостей. К празднику готовились заранее: накапливали запасы еды и из Пуджа привозили водку. Только в Пудже можно было купить вино в казенке (государственной лавке). Молодые парни и девчата деревни арендовали на эти дни у кого-нибудь более просторную избу для своих развлечений и плясок. В крайнем случае использовали сарай. В летнее время молодежные гулянья проводились на гумне, где был ровный пол. В хорошую погоду хороводы водили в середине деревни, где дубрава была заранее подметена метлами и очищена от всякой грязи и щепок. Только при советской власти стали открывать клубы в деревнях с большой численностью населения. Почту в Куганаволок стали привозить 2 раза в неделю. Первая телефонная линия соединила Пудож с Куганаволоком в 1927 году, а в Чуялу провели телефон в 1932 году через Маткалахту.

В стране заканчивался период НЭПа. Наша небольшая деревушка Маткалахта почти полностью обновилась добротными домами, каждый из которых соответствовал материальным возможностям хозяина и его хозяйственного взгляда к обустройству своего жилья и двора для домашнего скота. Из девяти домов деревни только один так и остался курной избой. В этом просторном доме большую часть жилой площади за-

нимала печь, сложенная из камней и глины. Дым от нее выходил в помещение избы и через открывающееся отверстие в потолке по деревянной трубе выходил наружу. Удивительно то, что в то время, когда топились печи, дым ничуть не мешал жителям этой избы заниматься своим делом. Дети спокойно спали на кровати в прирубке, а хозяйка готовила завтрак. Прирубком называлось пространство между печью и стеной, где не наблюдалось сквозняка при открывании двери. Дым в помещении располагался только в верхней части избы на расстоянии приблизительно полутора метров от пола. Дым как бы разделял внутренний объем дома на две равные части, заполняя верхнюю часть помещения равномерно по всему периметру, и спокойно выходил через деревянный дымоход от потолка вертикально выше крыши дома. Верхние бревна стен и потолок от дыма за долгие годы становились ослепительно черными, как будто отполированные и покрытые черным лаком. Дом этот так и жил своей жизнью до 1940 года, пока старший сын хозяина - Епишин Дмитрий Никифорович - работая учителем начальной школы, не накопил денег и с помощью односельчан не перестроил эту избу. Надо сказать, что в курной избе никогда не водились ни тараканы, ни клопы.

Древесина стен и потолка со временем становилась все крепче и не поддавалась разрушению. Этот дом был построен так давно, что мой дедушка не помнил года постройки. А когда разделяли эту избу на дрова в 1975 году, то только бензопилой можно было распилить бревна на чурки.

Небольшие деревни Водлозера располагались в основном на островах и полуостровах озера и имели малые посевные площади. Жители занимались рыболовством. Богатое рыбой озеро давало возможность не только кормить свою семью разнообразием рыбных блюд, но и торговать рыбой в хлебобродном Каргопольском районе Архангельской области. По первому санному пути обозы с сушиком и соленой рыбой отправлялись в торговый путь. В селах Каргопольского района обменивали рыбную продукцию на зерно. В среднем за один фунт сушика из ерша получали в обмен 2 фунта ржи или ячменя. Были и более удачные сделки. Сушик из ерша пользовался большей популярностью, нежели сушик из снетка.

Недостаток посевных площадей для выращивания зерна восполнялся также подсобным земледелием. Для этого в лесу подбирались участки земли. На ровном пригорке вырубали и сжигали лес, а потом специальной сохой по возможности вспахивали участок и засевали рожью. Обработанный и засеянный участок в лесу назывался нивой. Урожай на ниве собирали только один раз и редко два года подряд. Потом эта нива вновь зарастала лесом, а очередную ниву разрабатывали на другом участке. Подсобное земледелие требовало больших физических затрат и было не по силам каждой семье. Поэтому товарообмен рыбы на зерно в Каргополье был более выгодным.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева (18.01.1921 - 27.03.2018) в редакцию передали его родные. Мы продолжаем их публикацию (начало в №№43, 48, 52, 2020 г.).

Скота в хозяйстве держали мало, так как сенокосных площадей по берегам озера и рек было недостаточно.

Хотя пашня находилась в частной собственности у каждой семьи, но вырастали дети, создавали свои семьи. Приходилось вновь делить пашню по едокам для каждой семьи. Но такой земельный передел проходил редко. А наиболее рыбные участки по берегам озера распределялись ежегодно. Эти участки озера назывались душевыми приколами. Причем на один год они становились собственностью одной семьи, а на следующий год происходил обмен прикола с другой семьей. Во время нереста рыбы в заливе за деревней Маткалахта возбранялось шумно ездить на лодке по заливу, который называли лахтой. Обилие водной растительности и малая глубина залива служили своеобразным питомником для развития и роста молодяка рыб.

После объединения крестьянских хозяйств нашей деревни в колхоз в 1933 году стали выращивать на полях кроме ржи, ячменя и овса еще яровую пшеницу, которая тоже давала хороший урожай. Наш колхоз с громким названием "Красный Герой" объединял хозяйства двух деревень - Маткалахты и Бостилово. Пахотной земли было всего 21 гектар. Первым председателем колхоза был Вершинин Михаил Титович, а его сменил Синицын Яков.

При объединении в колхоз от нашего хозяйства взяли две коровы, две лошади, сеты на целый невод, лодку, семенное зерно, а также новый овин, в который входило гумно и рига. В риге подсушивали снопы для обмолота, а на плотно сколоченном полу гумна молотили. Обмолот вели пригузами в два или три такта ударами по снопам болтающейся короткой палкой, которая была шарнирно соединена с другой деревянной палкой, которая держалась в руках у человека. Я умел молотить в три пригуза (три такта). У трех хозяйств было по одной корове, а поэтому обобществлять было нечего, кроме одной лошади. Наш дедушка Николай Харламович в колхоз не пошел, а поэтому ему односельчане оставили одну старую лодку, так как в хозяйстве у нас было две лодки. Дедушка снова связал несколько мереж и две одонитки. Он ловил рыбу на сушук, а потом сушук продавал в рыбопункт Куганаволока. Кроме того, он из лучины изготовлял корзины для сушки и для хранения других продуктов и сдавал в сельпо. На этом заработке он и жил до самой смерти в заднюю, что была пристроена к дому окнами на озеро.

Для колхозных коров на полях стали выращивать брюкву и турнепс. Удивительно то, что отдельные экземпляры турнепса весили 18 кг, вес брюквы доходил до 12 кг. Надом молока были хорошие, а поэтому колхоз всегда досрочно справлялся с планом государственных поставок молока и мяса, а также своевременно платил все налоги. С объединением колхоза навсегда

перестали пользоваться сохой и деревянной бороной. Железный плуг и борона "зигзаг" прочно прижились в хозяйстве колхоза. Обмолоченное зерно очищали от половы с помощью веялки и сортировки, а для приготовления кормов скоту стали пользоваться соломорезкой. Все машины приводились в движение усилием человеческих рук. С помощью сепаратора сливки отделялись из молока, а обрат (после сепаратора) давали в поило молодняку. Получали хорошие привесы молодых телят и высокую упитанность всего стада.

В начале тридцатых годов в Куганаволоке была организована приемка рыбы на государственном уровне. Первым директором рыбоприемного пункта был Выхлос, а его заместителем - Голованов.

В нашем колхозе была организована рыболовецкая бригада, которая имела хорошие уловы всех пород рыб. По традиции готовили сушук из мелкой рыбы, а крупную рыбу подвергали засолке в рыбопункте Куганаволока. Отпала необходимость возить рыбу в Каргопольский район, а потребительская кооперация обеспечивала мукой и различными крупами все потребности населения. Колхозную рыбу сдавали не только в рыбопункт Куганаволока, но и возили на продажу в Пудож и Петрозаводск. На вырученные от продажи деньги в Петрозаводске купили три ручных швейных машины и патефон с пластинками. Швейные машины были проданы лучшим колхозникам, а патефоном пользовалась вся Маткалахта. По итогам года на трудодень в нашем колхозе приходилось до трех килограммов различного зерна, а также немного картофеля и сена. Деньгами на трудодень выходило от двух до трех рублей. Можно было получать аванс в течение всего года. Работали в колхозе дружно. Сами на собрании устанавливали нормы выработки на трудодень в зависимости от вида работы. Количество трудодней на год по колхозу тоже ограничивали, чтобы трудодень был веселее. За нерадивую работу предусматривались наказания. Самым тяжким наказанием было отстранение от работы в колхозе на трое суток. Существовал минимум трудодней, которые должен за год выработать каждый колхозник. Так, мужчина должен заработать в колхозе не меньше 120 трудодней в год, а женщина - не менее 80 трудодней.

В послевоенные годы по разным причинам обезлюдели деревни. Колхозы приходили в упадок. Даже объединение колхозов мало, что изменило. Следует особо сказать о названиях колхозов. Наряду со словом "Красный" (Красный Герой, Красный богатырь, Красный Октябрь, Красный рыбак, Красный берег, Красная заря) были названия именные (имени Энгельса, имени Дмитрова, имени Кагановича), а также "Память Ленина", "Заветы Ленина", "Ленинский путь" и другие. Но не было ни одного колхоза с именем Сталина.

В суровом 1937 году многие жители Водлозера были арестованы по различным доносам односельчан. Доносы были разного характера. Так, неграмотная женщина из деревни Великостров еженедельно ходила в сельсовет и рассказывала председателю сельсовета о слишком разговорчивом соседе, который выражал недовольство властью. Председатель сельсовета оформлял донос, где говорилось о том, что гражданин Никифоров из деревни Великостров ругал всю советскую власть в лице председателя сельсовета, а хвалил только Ленина. Были люди, которые собирали подписи под требованием преобразовать колхозы в ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) без обобществления собственности крестьянских хозяйств. Подписи эти собирал житель деревни Канзанаволок Сыромолотов. Собирались подписи обычно в праздники, когда с выпившими мужчинами было легче разговаривать. Как только начинались аресты подписавшихся, Сыромолотов покончил жизнь самоубийством. Арестованные колхозники впоследствии были реабилитированы посмертно.

Только в нашей деревне Маткалахта не было репрессированных колхозников. Дело в том, что Сыромолотов в праздник Варвары 17 декабря 1936 года пришел в Маткалахту и сначала пошел к моему отцу. Отец разоблачился, зачем пришел незваный гость, и попросил его немедленно удалиться из деревни. Всех жителей предупредил, чтобы никто ничего не подписывал. Так сохранились в деревне все мужчины до военной поры.

Однако в 1935 году семью Епишина Афанасия и нашу семью исключили из колхоза. Причем в нашей семье исключению подвергли только моего отца, мать и меня. Остальные мои братья были оставлены в колхозе. Епишина Афанасия и отца обвинили в том, что они в годы гражданской войны были в белой армии. Но в белой армии были и другие односельчане. Мою маму и меня, четырнадцатилетнего парня, исключили за то, что при заготовке жердей для изгороди в одной из заготовленных куч оказалось 18 штук вместо 20, и лыски на коре в жердях вроде мы сделали небрежно. Отцу и Афанасию надо было явиться в Пудож в милицию, а нам дали принудительное задание. Надо было за двое суток раскорчевать и вспахать 10 соток земли. Я с мамой за сутки выкорчевали все мелкие деревья и кустарники на отведенном участке на ельнике. Мой дедушка не записывался в колхоз по возрасту. Дед за сутки изготовил соху для вспашки подготовленной земли. На вторые сутки дед держался за соху, а я с мамой в сохе были тягловой силой. К концу второго дня задание было выполнено. Разработанный участок колхоз засеял овсом. Но к концу недели отец и Афоня вернулись из Пудожа, так как обвинение было признано тройкой незаконным. Нас снова восстановили в колхозе.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева (18.01.1921 - 27.03.2018) в редакцию передали его родные. Мы продолжаем их публикацию (начало в №№43, 48, 52, 2020 г., №3 2021г.)

В начале XX века большинство населения Водлозера было неграмотным. В нашей Маткалахте никто не умел ни читать, ни писать. Мой отец, Осип Николаевич, будучи на фронте Первой мировой войны, сначала в окопах, а потом санитаром в госпитале, научился читать и писать с помощью грамотных командиров и солдат. Правда, писал он слова так, как слышал, без всяких правил правописания. Когда моя мама получала с фронта от отца письмо, то ходила в другую деревню, где был грамотный человек. Он читал письмо от отца и писал ответное письмо, за что получал десяток куриных яиц.

Земские школы в начале XX века стали открываться в деревнях с наибольшим числом жителей. Трехклассные и четырехклассные школы были открыты в деревнях Вама, Канзанаволок и Пильмасозеро. В Куганаволоке сначала была церковно-приходская школа на 2 класса, которая впоследствии была преобразована в трехклассную училище, где работал один учитель. Посещали школу мальчики, а в тех деревнях, где были школы, учились и девочки.

Я поступил в первый класс Куганаволокской школы в 1928 году. Тогда школа называлась "Единая трудовая школа первой ступени". В школе было 3 класса, в которых одновременно обучались 26 учеников из разных деревень Куганаволокского сельсовета. Учителем звали Анна Ивановна Шугтова. Ее муж заведовал почтовым отделением. От Маткалахты до Куганаволока через озеро было 7 километров, а по берегу озера по лесной тропе 10. Поэтому ребят из отдаленных деревень поместили в школьный интернат.

На другой день меня, семилетнего школьника, и еще четырех учеников исключили из интерната за то, что наши родители были середняки. В интернате осталось восемь учеников из бедняцких семей. Нас троих (меня, Епишина Александра и Никифорова Ивана) взял к себе на квартиру Минин Александр Петрович, а двое учеников вернулись домой. Спали мы на полу у кровати хозяйки на соломенном матрасе и укрывались кто чем мог. Ни о каких постельных принадлежностях не было и речи. Интернат помещался в той же школе. Пары на ночь сдвигали и устанавливали деревянные топчаны, на которых спали по двое учеников на матрасах, набитых соломой. Укрывались тоже кто как мог. Для ребят интерната на обед варили кашу или макароны, а вечером был чай. Все это бесплатно. Школа и интернат помещались в доме Кузнецовых на втором этаже, а на первом этаже жила семья Кузнецовых Анисии, у которой были сын Миша и дочь Александра. Верхняя хозяйка готовила интернатским обед и присматривала за порядком в то время, когда дети спали.

Я учился хорошо, так как до школы научился читать, писать и считать. Мои старшие братья Василий и Григорий учились в этой же школе по полтора года в 1919-1920 годах. От них я узнал буквы и цифры и научился читать. В доме у нас была какая-то книга без начала и конца. Мне нравилось читать страницу книги, где был изображен Богдан Хмельницкий. Во втором

классе обучения ситуация оставалась та же, только учительница была другая - Попова Серафима Петровна. Когда я стал учиться в третьем классе, то школа была в доме Каламаевых, а учителем работал Михаил Иванович Воскресенский. Он был сыном попа Пречистенской церкви, не женат. Интернат в то время размещался у Кузнецовых.

Самые лучшие воспоминания о школе у меня остались о том времени, когда был четвертый класс, а заведовала школой Юберт Евгения Александровна. В этот год школа и интернат располагались в двухэтажном доме Мудрова. Классы были на втором этаже, а интернат внизу. Там же была и столовая. В этот год приняли всех учеников без исключения. Число учащихся заметно возросло, работала, кроме Евгении Александровны, еще одна молодая учительница с первым и третьим классом одновременно. В этот год в первый класс пошел мой брат Коля. Он рос болезненным мальчиком, а поэтому зимой я его возил в школу на санках, когда он уставал настолько, что не мог идти самостоятельно.

Впервые в нашем четвертом классе был внедрен бригадный метод обучения. Я был бригадиром пятерых учеников, а в классе было 3 бригады. Евгения Александровна часто отапливала сельсовет, а давалось задание изучить по книге тему. Занятия шли своим чередом, а каждый бригадир отвечал не только за полученных знания учеников своей бригады, но и за дисциплину в отсутствие учителя. Когда учительница возвращалась в класс, то спрашивала любого ученика из бригады по изученному самостоятельно материалу. Какую оценку получил отвечающий ученик, такая же оценка ставилась остальным учащимся бригады. Поэтому дисциплина в бригаде была жесточайшая.

Мы часто ходили на экскурсии, где наблюдали за работой сельскохозяйственных машин: веялки, сортировки, триера и молотилки. Учились определять всхожесть семян ржи и ячменя. Весной даже ездили на лесозаготовку, где отрывали от снега заготовленную осенью древесину. Евгения Александровна научила нас выращивать морковь и капусту, о которых мы и понятия не имели. Ведь раньше крестьяне выращивали только репу и редьку, а в колхозе турнепс и брюкву.

Евгения Александровна в этот голодный 1932 год сумела организовать обед для всех учеников интерната. Обычно это была пшенная каша, а утром и вечером чай. Ученики из середняцких семей платили по 8 рублей в месяц, а ребята из бедняцких семей питались бесплатно.

Энергии этой учительницы хватало и на то, что она организовала строительство новой школы в Куганаволоке, которая стоит и поныне. Прорабом строительства был Братугин, а население деревень привлекалось к заготовке и доставке бревен для строительства и камней для фундамента здания. Благодаря энтузиазму Евгении Александровны школа была построена за один год. В 1932-33 учебном году пятый класс открылся в

Канзанаволоке в доме лесничества, где возглавляла и эту школу неутомимая Юберт. В тот год я не учился, так как от Маткалахты до Канзанаволока по озеру 20 километров.

В сентябре 1933 года мы учились в новом здании школы в Куганаволоке. Работал и 5-й класс. Занятия шли во всех классах школы, хотя печи еще только складывались. Мы после уроков помогали печникам подносить кирпичи, а лишние камни закапывали в землю на всей площадке вокруг школы. Дело в том, что фундамент здания школы сделали на деревянных столбах, и расход заготовленных камней был минимальным. Директором этой школы, конечно же, была Юберт Евгения Александровна. Появились учителя предметники, среди которых был Семихин по математике и Нефедов Николай Иванович по географии, истории и биологии. В том же году начали строить двухэтажный дом для школьного интерната рядом со школьным зданием. А пока располагались интернатские ребята в одноэтажном доме Мудрова Константина. Там же в маленькой комнате жила Евгения Александровна. Она всегда была рядом с нами. Хотя ей было лет за 40, но у нее не было семьи. Наверное, она часть своей зарплаты тратила на улучшение жизни детей в школе, для себя почти не приобретала хорошей одежды и обуви.

Самопожертвование в пользу обучения и воспитания школьников было характерной чертой этой женщины, требовательной к себе, учителям и ученикам школы. Я 38 лет проработал учителем. Когда было очень трудно, задавал себе вопрос: "А как бы здесь поступила Евгения Александровна?". Но весной того же учебного года учителя школы Семихин и Нефедов собирали компромат на Юберт и даже втягивали учеников против строгой учительницы и директрисы школы. Я хорошо помню тот весенний вечер, когда мы улеглись спать, а подвыпившие Семихин и Нефедов прошли мимо наших кроватей в ее маленькую комнату, где состоялся у них разговор с Евгенией Александровной. Голоса были слышны, а слов разобрать было невозможно, так как дверь была плотно прикрыта. Утром она впервые не проверила, как мы умылись и собрались в школу. Ее уроков в тот день тоже не было. С тех пор мы ее никогда не видели. Уехала она от нас незаметно. Да и вещей у нее почти никаких не было.

В следующем учебном году директором школы был Емельянов Алексей Иванович, а когда я учился в седьмом классе, директором школы был назначен Гуров Андрей Яковлевич. С 1932 года школа стала называться "Куганаволокская ШКМ" (школа крестьянской молодежи). В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 5 сентября 1932 года о школе потребовалось давать ученикам прочные знания по всем предметам. Основной формой обучения тогда стали считать урок. Форма обучения была такой - выучи и запомни все, что проходили на уроке. Хотя директора часто менялись, но школа постепенно благоустривалась. При Гурове был построен второй двухэтажный дом для интерната и небольшой дом для столовой.

Первый выпуск учеников, закончивших седьмой класс, был в июне 1936 года. В числе первых 18 выпускников был я - Сысоев Михаил Осипович. После Гурова директором школы был Шумков, а в военные годы - Красиков. Во время Отечественной войны в одном из двухэтажных домов интерната размещался детский дом, заведующей которого была Красикова.

В послевоенные годы школа стала называться "Куганаволокская семилетняя школа", которая впоследствии преобразовалась в восьмилетнюю школу. В эти годы в Водлозере в четырех сельсоветах было две восьмилетние и семь начальных школ. С 1945 года в течение девятнадцати лет Куганаволокскую восьмилетнюю школу возглавлял Ольшин Антон Иванович, при котором был построен новый школьный интернат и здание учебной мастерской. Организаторские способности Ольшина А.И. позволяли вовремя проводить ремонт школьного здания и обеспечивать интернат твердым и мягким инвентарем. Хотя не хватало постоянных кадров, однако по основным предметам там вели работу супруги Сысоевы, Ворожун А.Д., Леонтьева Г.С. и все учителя начальных классов: Минина Е.И., Черненко Л.А., Каламаева А.Ф., Ольшина О.В. О работе учителей в этот период была статья "Летать учат крылатые" в газете "Ленинская правда" в рубрике "Навстречу VIII съезду учителей республики".

В родную Куганаволокскую восьмилетнюю школу я вернулся в августе 1945 года в качестве учителя начальных классов. После окончания пединститута в Петрозаводске на заочном обучении вел уроки физики и труда. С 1964 года по 1971 год был директором этой школы. В эти годы пионерскую дружину возглавляла Сысоева Людмила, а ей помогала учительница Никитина В.И. Работа пионерской организации школы была признана лучшей в районе. Повысилась успеваемость в результате различных форм смотров знаний учащихся. Школьные праздники проводились интересно как для самих ребят, так и для населения. До сих пор еще помнят концерты по заявкам ветеранов войны, а красивое место на берегу озера, где проводился ежегодно 19 мая пионерский костер, так теперь зовут Пионерской поляной. В школьном интернате проживало 98 учеников из дальних деревень. Все они ежедневно получали трехразовое питание. Колхоз выделял для питания школьников картофель и рыбу.

В Куганаволокской восьмилетней школе получили первоначальное образование и воспитание сотни мальчиков и девочек Водлозера. Многие выпускники школы избрали благородные профессии учителей и медицинских работников. Часть бывших учеников стала работать в лесном комплексе и рыбачить в родном Водлозере. Другие уехали работать на заводы и фабрики различных городов России.

Проходят годы. Бывшие ученики школы приезжают в Водлозерский национальный парк во время отпуска и делятся своими воспоминаниями о детских и школьных годах, что прошли в живописной местности родного края.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева (18.01.1921 - 27.03.2018) в редакцию передали его родные. Мы продолжаем их публикацию (начало в №№43, 48, 52, 2020 г., №3, 7 2021г.)

О ДЕДУШКЕ НИКОЛАЕ ХАРЛАМОВИЧЕ

Мой дедушка Сысоев Николай Харламович (примерно 1858 года рождения) мало нам рассказывал о своей жизни. Да и мы, его внуки, мало его спрашивали. Нам внушали, что старое было очень плохое и говорить о нем незачем. В молодости он, очевидно, служил в Олонецком пехотном полку пластунов. Об этом я сужу по той форме одежды и вооружению, которые он носил и хранил у нас дома, вернувшись со службы в армии. В старое время каждый новобранец при призыве в армию должен иметь свое обмундирование, холодное оружие и коня. Но малоимущим призывникам выдавали казенную форму и оружие. Их зачисляли в полк пластунов (пехоты).

Прослужив в армии почти 3 года, вернулся домой 24-летним мой будущий дедушка в хорошей армейской одежде и с полагающимися пластунам оружием. У него была на вооружении пика с железным наконечником и курковое ружье, которое заряжалось с дула. Сначала в ствол насыпали порох по мерке, потом вставлялся пыж, а дальше закладывалась одна картучина диаметром в 6 мм и запрессовывалась очередным пыжом. Длина ствола была порядка 50 см с небольшим утолщением к концу ствола (к дулу). Пыжи при зарядке с помощью шомпола хорошо уплотнялись в стволе, что придавало при выстреле большой импульс для пули. У закрытого конца ствола было приспособление, на которое устанавливались капсюль. От капсюля по отверстию была возможность запальному огню добраться до пороха в стволе и осуществить выстрел. Когда оружие было подготовлено к стрельбе, то взводился курок, который удерживался специальной пружиной до выстрела. При нажатии на спусковой крючок курок освобождался от пружины, ударял по капсюлю и производил выстрел. Во время войны 1941-45 годов отбирали у населения всякое вооружение. Мой отец сдал и это дедушкино ружье. Оно потом долго хранилось в Куганаволокской школе, а после моего ухода из школы в 1971 году я не знаю дальнейшей судьбы этого ружья.

Уже при советской власти дедушка отпиллил от пики конец с железным наконечником и ходил с ним осенью по гладкому льду озера. Острый наконечник помогал увереннее идти по скользкому льду. Из военной одежды у дедушки сохранился балахон, сотканный из толстых прочных ниток, а также башлык. Башлык был изготовлен из прочного сукна с очень длинными от ушей тесьмами. Капюшон башлыка во время ненастной погоды надевался поверх шапки и служил защитой от ветра, дождя и мороза. Длинные тесьмы от башлыка на груди перекрещивались и на спине завязывались узлом. В хорошую погоду башлык снимался с головы и оставался лежать на плечах сзади головы. В царское время дедушка это оружие и обмундиро-

вание берег, так как по первому требованию он в нем должен явиться на службу во всеоружии.

После службы в армии в возрасте 26 лет Николай Харламович женился на девушке Евдокии, которая проживала с родителями в деревне Малая Пога. Очевидно, семья Мироновых, в которой родилась Евдокия, была среднего достатка, если так можно было назвать трудолюбивых крестьян, у которых имелся запас хлеба. А рыбы у острова Пога и на ближайшей реке Сомбале всегда было достаточно. Надо было только не лениться ловить рыбу разных пород. Очевидно, Евдокия была веселой и привлекательной девушкой, так как ее называли в народе "славутница". Это название народ давал очень редким девушкам, которые умели хорошо петь, прилично в праздники одеваться и быть всегда веселыми и приветливыми с окружающими. Люди ее уважали и говорили о такой хорошей девушке только добрые слова. Слава о характере и умении такой девушки быть душой любого коллектива и дала название - "славутница".

Мой дедушка Николай Харламович тоже умел хорошо петь не только в молодости, но и будучи старым всегда пел вполголоса песни, когда вязал сети или плел из лучины корзины. А в армии он был запевалой в солдатском строю. В период молодости дедушка музыкальных инструментов почти не было. Только в многолюдных деревнях у богатеньких крестьян были гармошки, а балаляк тогда еще не было ни в одной деревне. Правда, кое-кто умел изготавливать пастушеские рожки и пользоваться ими для воспроизводства простейших мелодий. Молодежь водила хороводы и отплясывала русского под песни. Вместе с девичьими голосами в хороводе всегда слышался хороший голос моего молодого дедушки. А если учесть, что очень мало было парней из Водлозера, которые служили в армии, то многие девушки хотели бы выйти замуж за такого парня. Поэтому славутница Евдокия из Малой Поги выбрала женихом своим молодого голосистого Николая из деревни Матлахта, то есть моего будущего дедушку. Надо сказать, в ту пору в Водлозере парней было больше, чем девушек, а поэтому найти невесту да еще хорошую было непросто.

На одном из праздников Евдокия дала молодому Николаю Харламовичу залог, а вскоре они поженились. Залогом называлась какая-нибудь вещь - головной платок, шарфик или просто носовой платок с клятвой не выходить замуж ни за кого другого. Эта договоренность почти всегда выполнялась. Были редкие случаи, когда клятва нарушалась, и тогда парень обязан был вернуть девушке полученный залог. Просватывание девушек родителями за нелюбимого, но богатого жениха было редко и осуждалось всем населением деревень. Свадьбу справляли в зависимости от достатка жениха и невесты. Когда

жених приводил невесту к себе домой, то встречать его с молодой женой выходили все жители деревни от мала до велика.

За непродолжительный период семейной жизни у них родился сын Осип, а потом Наталья и Дуняша. Трудолюбие родителей и детей позволяло семье жить безбедно. В доме всегда был хлеб, рыба всех сортов, лошади, корова и много овец. После 25-летней совместной жизни случилась трагедия. Осенью по тонкому льду мой дед Никола и его жена Евдокия хотели протянуть невод подо льдом на тоне у Пищарнаволока, чтобы поймать свежей рыбы для себя и на продажу. При запуске невода под лед Евдокия провалилась в воду и утонула. Ее муж Николай не успел к ней вовремя, так как и под ним лед проламывался несколько раз, но он был с жердью и сумел выбраться на лед. После похорон жены он велел своему сыну Осипу жениться, так как ему шел уже 21-й год. А сам дедушка, оставаясь вдовцом в 48-летнем возрасте, больше никогда не был женат.

Его дочь Наталья была выдана замуж за Ульянова Петра в небольшую деревню Вавди-поль, а дочь Дуняша вышла замуж в деревню Половина за вдовца Петрова Дмитрия. В годы гражданской войны, когда в деревне появлялись то белые, то красные, дедушка сумел отговариваться своим несогласием ни с теми, ни с другими. Когда я был еще очень маленький, то с 4-х лет дедушка учил меня щепать лучину для освещения комнаты по вечерам и вязать сети для ловли рыбы. Я часто нож держал в левой руке и стругал лучину. Дедушка очень меня ругал леворукого и приучил работать правой рукой. Я и сейчас еще режу хлеб и затачиваю карандаши при помощи ножа левой рукой, но могу и правой. Лучина на печи высушивалась для освещения избы в вечернее время. В деревянный столб, что стоял у русской печки и поддерживал матицу потолка, был прибит железный светец, в который можно было вложить 2 лучины. Лучины постепенно горели и освещали своим пламенем пространство избы. Надо было только следить, чтобы лучина горела равномерно и своевременно выдвигать по щелям в светецу саму лучину для продолжения горения. Для того, чтобы сгоревшие части лучины, падая, не вызвали бы пожара, то внизу стояла лохань с водой. Прогоревшие, но еще красные угли от лучины отваливались и падали в нее. В хлев к скоту тоже ходили с лучиной, чтобы при свете напоить и подоить корову. Когда хозяйка несла в одной руке пойло для коровы, а в другой руке - подойник, то зажженную лучину держала в зубах. В хлеве тоже имелась щель, в которую можно было засунуть конец лучины для освещения хлева. Применение лучины было крайне опасно в пожарном отношении, но другого выхода тогда еще не было. Керосиновые лампы в начале XX-го века были не у всех. Да и керосин

надо было привозить из Пудожа. Но постепенно стали торговать лампами, фонарями и керосином в Куганаволоке, а только денег у многих для покупки не было. Для экономии покупали керосиновые лампы разных размеров по фитилю. Были лампы 5-линейные, 7-линейные, 10-линейные и роскошные лампы со стеклянным абажуром - 20-линейные.

В возрасте 6-ти лет я научился читать при помощи старших братьев Григория и Василия. Они посещали школу в Куганаволоке по 2 года и умели читать и писать. Дедушка Николай Харламович поощрял мое желание научиться читать свежей рыбы для себя и на продажу. При запуске невода под лед Евдокия провалилась в воду и утонула. Ее муж Николай не успел к ней вовремя, так как и под ним лед проламывался несколько раз, но он был с жердью и сумел выбраться на лед. После похорон жены он велел своему сыну Осипу жениться, так как ему шел уже 21-й год. А сам дедушка, оставаясь вдовцом в 48-летнем возрасте, больше никогда не был женат.

Его дочь Наталья была выдана замуж за Ульянова Петра в небольшую деревню Вавди-поль, а дочь Дуняша вышла замуж в деревню Половина за вдовца Петрова Дмитрия. В годы гражданской войны, когда в деревне появлялись то белые, то красные, дедушка сумел отговариваться своим несогласием ни с теми, ни с другими. Когда я был еще очень маленький, то с 4-х лет дедушка учил меня щепать лучину для освещения комнаты по вечерам и вязать сети для ловли рыбы. Я часто нож держал в левой руке и стругал лучину. Дедушка очень меня ругал леворукого и приучил работать правой рукой. Я и сейчас еще режу хлеб и затачиваю карандаши при помощи ножа левой рукой, но могу и правой. Лучина на печи высушивалась для освещения избы в вечернее время. В деревянный столб, что стоял у русской печки и поддерживал матицу потолка, был прибит железный светец, в который можно было вложить 2 лучины. Лучины постепенно горели и освещали своим пламенем пространство избы. Надо было только следить, чтобы лучина горела равномерно и своевременно выдвигать по щелям в светецу саму лучину для продолжения горения. Для того, чтобы сгоревшие части лучины, падая, не вызвали бы пожара, то внизу стояла лохань с водой. Прогоревшие, но еще красные угли от лучины отваливались и падали в нее. В хлев к скоту тоже ходили с лучиной, чтобы при свете напоить и подоить корову. Когда хозяйка несла в одной руке пойло для коровы, а в другой руке - подойник, то зажженную лучину держала в зубах. В хлеве тоже имелась щель, в которую можно было засунуть конец лучины для освещения хлева. Применение лучины было крайне опасно в пожарном отношении, но другого выхода тогда еще не было. Керосиновые лампы в начале XX-го века были не у всех. Да и керосин

В восьмилетнем возрасте я помогал дедушке пилить дрова, чтобы сушить рыбу, а также помогал сортировать лучину для изготовления корзин. Сущик и дополнительно корзины мы с дедушкой на лодке привозили в селенье в Куганаволок. На вырученные деньги он купил мне и брату Коле ботинки красноватого цвета, а себе немного конфет монпасе или лампасас, как он их называл. Банка от монпасе до сих пор хранится в кладовке в Куганаволоке. Это были первые ботинки в моей жизни, а поэтому я их хорошо помню. До этого дома выделяли кожу животных, а отец как умел шил сапоги. Летом все время босиком, а на покос сена на реку Ильяма ходили в лаптях.

Дедушка и его сын Осип никогда не курили, а водку пили по праздникам и по мере материальной возможности. Матерных слов в ругани тоже никогда не употребляли и строго следили за нами. В холмах дедушка не пошел, а самостоятельно добывал рыбу, плел корзины на продажу и иногда косил сено тоже для продажи. Вернувшись домой после недельного пребывания на покосе за Вамозером, дедушка помылся в бане, а потом зачем-то полез на чердак по лестнице - упал виском в выступ стены и, не приходя в сознание, умер. Это было в июле 1938 года. Похоронили его на кладбище на погосте у Прецистенской церкви.

Воспоминания о прошлом

Воспоминания педагога, бывшего директора Куганаволокской школы в 60-70-е гг. Михаила Осиповича Сысоева (18.01.1921 - 27.03.2018) в редакцию передали его родные. Мы заканчиваем их публикацию (начало в №№ 43, 48, 52, 2020 г., №№ 3, 7, 8 2021 г.).

Краткие заметки о начале войны 1941-1945 гг.

В июне 1939 года я закончил Петрозаводское педучилище и получил направление на работу в Кокоринскую начальную школу Кондопожского района. Это была такая глухомань, что хуже не придумаешь. 1-го сентября стал учить ребят 2-го и 4-го классов одновременно. В этот же день началась Вторая мировая война, так как Германия напала на Польшу, а через два дня Франция и Англия, защищая Польшу, объявили войну Германии.

Мой брат Гриша служил в армии сверхсрочником в городе Шауляй. В этот же день 1 сентября он прибыл в Маткалахту с семьей во время очередного отпуска. Не успел он попить чаю, как нарочный принес телеграмму с требованием срочно явиться в свою воинскую часть. Так у него закончилась очередная отпуст.

В этот же день был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью Калинина М.И. о

проведении очередного призыва в ряды Красной Армии и снижении призывного возраста с 21 года до 18 лет.

По Указу призывались агрономы и учителя, которые до этого года освобождались от призыва из-за своей очень нужной специальности для народного хозяйства страны. Подлежали призыву учителя 1916 - 1920 годов рождения, а также учителя, родившиеся в первой половине 1921 года. В эту первую половину попал я, и 28 сентября в Кондопоге прошел призывную комиссию. Был признан годным к службе и оставлен работать в школе до первого требования из военкомата.

1 декабря 1939 года началась война с Финляндией, а я в это время уже был в эшелоне с призывниками, который шел на Украину. Нашу небольшую группу призывников высадили из эшелона в городе Винница. Так я попал служить в 299-й

отдельный батальон связи, который обслуживал штаб 37-го стрелкового корпуса.

Размещались мы на окраине города Винница в имении бывшего пана. Всего в части было около 300 человек. Это были в основном учителя из Белоруссии, Украины и разных областей России. Из Карелии вместе со мной были Красков из Шуи и Володя Задворный из Ладва-Ветки. Мы вместе заканчивали педучилище. Мы с Красковым были зачислены в полковую школу радиосвязи, а Задворный служил в радиороте.

В эти годы мы зачитывались книгой "Как закалялась сталь", а Павка Корчагин был любимым героем. Все описанное было рядом с Винницкой областью, а поэтому на учениях интересно было побывать в Шепетовке, о которой писалось в книге.

После войны в 1945 году я вернулся в Куганаволоку и стал работать учителем начальных классов в школе.

О кроликах и ондатрах

Решая проблему питания в стране, правительство СССР по предложению наркома по продовольствию А.И.Микояна рекомендовало повсеместно развивать кролиководство. При хорошем уходе кролики быстро размножаются, а поэтому появляется возможность получения диетического мяса для питания и кроличьих шкурок для пошива верхней одежды.

В 1930 году впервые кролиководческая государственная ферма была организована в Куганаволоке. Было привезено 4 кролика, которые дали потомство, и к весне следующего года в клетках их было больше трех десятков. Ухаживал за кроликами приезжий кроликовод, который привлекал нас, третьеклассников, к уборке кроличьих клеток и приготовлению корма для крольчат.

Однажды при очистке клетки у кролика по кличке Вася я неосторожно с ним обошелся. Он укусил меня за левую руку. Следы от этого укуса остались на всю жизнь.

В июне 1931 года всех кроликов выпустили на остров Рихендема, где им были специально в земле подготовлены норы, чтобы они могли там прятаться на ночь. Предварительно остров был тщательно обследован, чтобы на нем не было лисиц. Пожилой мужчина Иван Двойников был назначен сторожем на этом ост-

рове, чтобы никто не тревожил кроликов.

В сентябре кроликовод пригласил нас, четвероклассников, поймать кроликов в клетки. За день мы поймали только пятерых кроликов. Больше найти не могли ни одной души. С той поры кролиководство в Куганаволоке перестало существовать.

В 1930 году в Канаде были закуплены ондатры для их размножения в Советском Союзе. Эти водяные крысы - ондатры питаются растительностью на берегах водоемов, хорошо размножаются и быстро распространяются по другим озерам и речкам. Шкурка ондатры пушистая, используется для изготовления шапок и верхней зимней одежды. Платили в Канаде за каждую живую ондатру по 15 рублей золотом.

Выпустили привезенных зверьков в озеро в тайге за деревней Маткалахта. Это небольшое озеро Вамозеро и вытекающая из него небольшая речка Ильяма имели большие заросли травы в воде и по берегам, а удаленность от населенных пунктов благоприятствовала их спокойной жизни в этих водоемах. Зверьки хорошо прижились и дали хорошее потомство. Поэтому в следующем году было принято решение часть зверьков изловить и перевезти в речки и озера Архангельской области.

Была создана бригада из

трех охотников-промысловиков для ловли ондатр живыми и доставки их на пункт приема в деревню Сердечкина Изба. В состав бригады охотников вошли трое: мой отец Сысоев О.Н. (бригадир), дядя Митрофанов П.А. из Чуялы, а также охотник-промысловик Вирозеров. Им выдали специальные ящики - ловушки для поимки зверьков. Это был реечный деревянный каркас, который обтягивался железной сеткой. Внутри этой ловушки для приманки клали морковь, которую ондатры считали за лакомство и соблазнялись зайти в эту ловушку. Как только зверек хватал морковь, то тут же закрывалась дверка. Даже были случаи, когда попадали в ловушку сразу 2 ондатры. Бригада охотников ежедневно осматривала ловушки и зверьков сразу же доставляла в пункт приема в Сердечкину Избу, где их выпускали в вольеры и по мере накопления увозили в озеро Архангельской области. За каждого пойманного живого зверька платили по 15 рублей. Это был хороший заработок для охотников.

У меня хранится фотография всех троих охотников с нашими собаками - Мальчиком и Шариком. Как раз в это время в Маткалахту приехал фотограф из Пудожского и сделал этот снимок на память.

Сейчас ондатры освоили большие пространства не только Карелии.